

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Моисеенко Я.Ю. Основные подходы к исследованию конформизма в современной политической философии // Антиномии. 2025. Т. 25, вып. 1. С. 7-31.
https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_7

УДК 32.001:167:165.731

DOI 10.17506/26867206_2025_25_1_7

Основные подходы к исследованию конформизма в современной политической философии

Ян Юрьевич Моисеенко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: yan.moisseenko@mail.ru

*Поступила в редакцию 09.01.2025, поступила после рецензирования 15.02.2025,
принята к публикации 25.02.2025*

В статье очерчивается круг основных подходов к изучению конформизма, анализируется их потенциал для концептуализации конформизма в предметном поле современной политической философии, а также ограничения, которые каждый такой подход имеет в виду сложившейся для него традиции применения. Необходимость концептуализации конформизма в политической философии обусловлена рядом факторов, среди которых на первый план выходит потребность в ревизии самого понятия «конформизм». Оно было сформировано преимущественно в конце XIX – первой половине XX в. и в формате определенной дисциплины – социальной психологии, откуда уже мигрировало в соседние области гуманитарного знания, где обросло новыми коннотациями. В обыденном восприятии закрепилась трактовка конформизма как некритического следования взглядам, мнениям, поведению

© Моисеенко Я.Ю., 2025

господствующего большинства, непротивление ему, часто вопреки внутреннему несогласию. Однако с того момента, как общий смысл понятия окончательно сформировался, прошло немало времени; философия попадала не в одну «зону турбулентности», в результате чего сформировались предпосылки провести новое исследование «конформизма», которое отвечало бы вызовам современности. Для достижения поставленной цели – провести ревизию понятия и превратить его в концепт – настоящая статья совершает экскурс в историю осмысления конформизма в формате разных дисциплин. Выделяются две основополагающие традиции прочтения «конформизма»: *социально-психологическая* и *социально-философская*. Вторая традиция, в свою очередь, разветвляется на два нарратива: *структурный функционализм* и собственно *социальную философию*. Среди методов, позволяющих определить возможные трактовки конформизма в предметном поле политической философии на современном этапе, в фокусе внимания статьи прежде всего оказываются позитивистский и аксиологический подход, поскольку дебаты между сторонниками этих подходов сформировали основное «тело» политической философии Модерна. Позитивистский подход вносит вклад в концептуализацию «конформизма», поскольку позволяет увидеть участников политического процесса как абстрактные единицы, не принимая во внимание их личные истории и социальный контекст, что упрощает исследование поведения. Примером того служат исследования С. Аша, описывающие «конформиста» как «черный ящик», реагирующий на внешние импульсы с рациональными мотивациями – подобную параллель можно наблюдать и в теории «рационального выбора». Ценностный подход указывает на ограничения этого метода, ведь чрезмерное использование теории «рационального выбора» и подобных ей интеллектуальных стратегий может привести к искусственному «уравниванию» мира, в котором человек всегда и везде одинаков. В свою очередь, эта методология способна перенести исследование конформизма в аксиологическую плоскость, где на первый план выходят взаимосвязи между целями, определяемыми ценностями и культурой, и институциональными средствами их достижения, а также противоречия между целями и средствами. Дополняют традиционные подходы две неклассические оптики политической философии – концептологический и дискурсивный подходы. Благодаря этим методологиям конформизм рассматривается как имманентный элемент концепций и дискурсов, место которых уже не оспоримо в современной политической философии – примерами того становится концепция политического К. Шмитта и дискурс властных отношений М. Фуко.

Ключевые слова: конформизм; социальная философия; методология политической науки; концептуализация; структурный функционализм; позитивизм; аксиологический подход; концептологический подход; дискурсивный метод; Карл Шмитт; Мишель Фуко

Studying Conformity in Contemporary Political Theory

Yan Yu. Moiseenko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,

E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

Received 09.01.2025, revised 15.02.2025, accepted 25.02.2025

Abstract. The article outlines key approaches to studying *conformity*, analyzing their potential for conceptualizing *conformity* within contemporary political theory, along with limitations of each approach arising from the established tradition of their application. The demand for conceptualization of *conformity* in political theory results from various factors, most notably the necessity to revise its very notion. *Conformity* as a term was primarily formulated in the late 19th and early 20th centuries within social psychology, from which it subsequently migrated to other fields of humanities, accumulating new connotations along the way. This has led to a widespread perception of *conformity* as uncritical adherence to the views, opinions, and behaviors of the dominant majority, often in opposition to one's internal disagreements. However, considerable time has elapsed since general understanding of the term was firmly established; during this time philosophy itself underwent numerous turbulences. As a result, new conditions have emerged that warrant a fresh investigation of *conformity* that responds to contemporary challenges. In pursuit of revising the term, the article embarks on a historical exploration of *conformity* across various disciplines. This exploration reveals two fundamental traditions of its interpreting: the socio-psychological and the socio-philosophical. The latter tradition is further divided into two narratives: structural functionalism and social philosophy itself. Among the methods directly associated with political theory, the article primarily focuses on positivism and the normative approach, since the debates between these two perspectives have shaped the core of modern political science. The positivist approach contributes to the conceptualization of *conformity* by allowing participants in the political process to be viewed as abstract units, thus simplifying the investigation of behavior without considering their personal histories and social contexts. Research by Solomon Asch serves as an example, depicting "a conformist" as "a black box" that reacts to external impulses with rational motivations. Conversely, the normative approach highlights the limitations of positivism, claiming that the theory of *rational choice* and similar positivistic intellectual strategies may lead to an artificial equalization of the world, where individuals are perceived as the same everywhere and at all times. The normative approach can shift the study of *conformity* into the axiological dimension, where the relationships between goals, defined by values and culture, and the institutional means of achieving them come to the fore, alongside the contradictions between these goals and means. In addition to that, two non-classical perspectives complement traditional approaches: the conceptological and the discursive. Through these methodologies, conformity can become an integral element of political theory problem area, examined through the lenses of Carl Schmitt's concept of the *political* and Michel Foucault's discourse on power relations.

Keywords: intellectual virtue; relativism; responsibilism; philosophy of science; hybrid virtue epistemology

For citation: Moiseenko Ya.Yu. Studying Conformity in Contemporary Political Theory, *Antinomies*, 2025, vol. 25, iss. 1, pp. 7-31. (in Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2025_25_1_7

Введение

Нелишним будет заметить, что пик исследовательского и просто обывательского интереса к конформизму пришелся на вторую половину XX в., вследствие чего в массовом сознании закрепилось следующее его значение – конформизм трактовался как некритическое следование взглядам, мнениям, поведению господствующего большинства, молчаливое

непротивление этому большинству, в том числе вопреки внутреннему несогласию. Как известно, XX век завершился одновременным крушением советской идеологии и триумфом т.н. «либерального консенсуса», в связи с чем ответственность за подведение итогов трансформаций этого ушедшего столетия взяла на себя широкая научная и публицистическая общественность, ориентированная именно на либерально-демократические ценности. Совсем неудивительно, что она объявила «несостоятельными» политические идеологии, за которыми стояли «проигравшие» XX в. политические режимы – это и коммунистическая идеология, и национализмы всех мастей. Однако для настоящего исследования немаловажно, что она также нарекла эти идеологии и режимы «благодатной почвой» для взращивания конформизма в качестве ценностной ориентации – общества – разумеется, сам феномен «конформизма» и порождаемые им «конформисты» получили не только сугубо негативную интерпретацию, но понимались главным образом в контексте либеральной критики этих идеологий-оппонентов.

Сейчас, в завершение первой четверти XXI в., восторженность от успехов и достижений «либерального консенсуса» в глобальном масштабе постепенно спадает, что порождает актуальность пересмотра не только многих понятий, но и самих явлений, стоявших за этими понятиями, монополия на владение которыми подвергается сомнению. Ровно так и изучение самого конформизма как социально-политического явления и разворачивающихся вокруг этого явления научных дебатов ставит перед исследователями задачу пересмотра многих понятий, которые утвердились в гуманитарном дискурсе как «сами собой разумеющиеся» (англ. *taken for granted*)¹. Требование этого пересмотра обосновано несколькими ключевыми факторами, но в формате настоящей статьи имеет смысл обозначать лишь некоторые из них.

Во-первых, современные гуманитарные исследователи вынуждены действовать в условиях т.н. «методологического анархизма», когда новые идеи и подходы ломают устои действующей прежде главной парадигмы – Модерна. Современная философия представляет эти мировоззренческие и онтологические сдвиги как некие «повороты» (англ. *turns*). Среди них стоит выделить «дискурсивный поворот» (англ. *discursive turn*), открытый Мишелем Фуко в его знаменитой книге «Археология знаний» (Фуко 2004); «мобильный поворот» (англ. *mobility turn*), проанализированный такими авторами, как Зигмунт Бауман (Бауман 2008), Пьер Бурдьё (Бурдьё 1993; Бурдьё 2007) и Манюэль Кастельс (Кастельс 2001). Новые методологические гори-

¹ Выражение *taken for granted* настолько часто используется в англоязычном научном дискурсе в совершенно разных контекстах, что фактически оно стало самостоятельным концептом, включающим комплекс негативных коннотаций, связанных с «теснотой мышления». Всевозможные русские аналоги этого выражения, такие как «само собой разумеющийся», «не требующий доказательств», «воспринимаемый как должное» не имеют подобного семантического и символического веса, и используются в речи вполне обыденно. По этой причине, с нашей точки зрения, имеет смысл даже в русскоязычных публикациях приводить английскую формулировку.

зонты, открытые в рамках этих «поворотов», ускорили демонтаж онтологических оснований современности (англ. *modernity*) (Касториadis 2003, Гидденс 2011). В некоторых случаях этот процесс сопровождался характерной для постмодернистов иронией и нарочитым разоблачением традиционных для Модерна исследовательских объектов (Бодрийяр 2000; Бодрийяр 2015). Яркие примеры таких методологий включают «шизо-анализ» Жюль Делеза и Феликса Гваттари (Делез, Гваттари 2007), а также постмодернистскую социологию Бруно Латура, ключевые постулаты которой были сформулированы в провокационной работе «Нового времени не было» (Латур 2006).

Вслед за ослаблением реперных точек, на которых строилась система координат «интенсивного» (т.е. активно развивающегося и «уверенного» в собственных онтологических основаниях) Модерна, стали фрагментироваться привычные социальные иерархии, ценности и средства их достижения. Полураспад некогда универсальных смыслов привел к возникновению новых форматов общественных отношений, чертами которых стали ориентация на демонтаж прежних коллективных идентичностей, моральный релятивизм, упование на технологии, позволяющие достичь быстрых результатов. В этих условиях становится сложно разобраться в содержании таких социально-психологических явлений как, собственно, конформизм, а также смежных с ним явлений (нонконформизм) или причудливых воплощений (негативизм), проследить их глубинные основания. Нередко возникают и такие ситуации, когда нонконформизм или негативизм, что традиционно воспринимались как разные по содержанию выражения протеста (Sándor 2023), оказываются лишь закамouflированными формами нового социального конформизма, который все больше ассоциируется с ревизией гендерной повестки (Çakiroğlu 2018; Rieger, Savin-Williams 2012).

Во-вторых, нельзя не учитывать фактор, что общества «экстенсивного» (сомневающегося в своих онтологических основаниях или, другими словами, «уставшего от самого себя») Модерна вовлечены в новый виток борьбы за власть и распределение значимых ресурсов, осознавая, что прежние правила не работают, а новые еще не выработаны (Бек 2000). В данных реалиях особенно важно исследовать не только новые формы системной организации обществ, но и пути социализации, адаптации и идентификации индивидов и социальных групп, а также специфику информационной среды, в которой осуществляется распределение ресурсов и дивидендов (Кастельс 2001). Прежняя дистанция между *элитами* и *массами*, *экспертами* и *профанами*, которая сохранялась до тех пор, пока знание считалось сакральной категорией, постепенно нивелируется, формируя тем самым у людей ощущение доступности практически любой информации, независимо от уровня образования и навыков критического мышления (Дьякова, Трахтенберг 2019).

Разнообразие форм адаптации не только отдельной личности, но и целых институциональных структур к меняющимся условиям среды отражается на различных, подчас противоречивых трактовках типов социального поведения в дискурсивном поле научно-гуманитарного знания (Turner 2001). Особенным в проблематике исследований конформного (равно как

и неконформного) типов поведения является тот факт, что они строятся вокруг изучения такого зонтичного концепта как *социальность* (Гидденс 2011). Потому отвечающее вызовам современности, обновленное исследование конформизма требует переосмыслить принципы социальной организации на разных уровнях – от «малой группы» до национального государства – режимы функционирования этих уровней, структурные особенности и те причины, что ведут к распаду этих форм или к общественной дезорганизации в целом. Безусловно, такая задача выглядит слишком серьезной, чтобы намереваться ее решить в формате отдельной научной статьи. Однако перечисленные обстоятельства в совокупности подчеркивают ценность не только *ревизии* существующих подходов к изучению конформизма, анализа их сильных и слабых и сторон, но и поиска новых методологий, которые позволят переосмыслить конформизм в предметном поле современной политической философии, преодолев данные ограничения. Следует руководствоваться именно этой целью в настоящем исследовании.

Осмысление конформизма в социальной психологии и философии

Конформизм и смежные с ним формы поведения и ориентации (такие как неконформизм, негативизм, солидарность, лояльность и пр.) оказываются в центре широких научных дискуссий по поводу социальной ответственности и социальной инертности человека, границ свободы личности и пределов социальной детерминации с конца XIX в. (Дюркгейм 2008). Тем не менее, даже полтора столетия спустя научное сообщество вынуждено констатировать, что единства в осмыслении конформизма (англ. *conformity*) и его форм в гуманитарных науках по-прежнему не хватает. Все, с чем можно определиться наверняка, это выделить две масштабные ориентации в исследованиях конформизма/конформности² – *социально-психологическую* и *социально-философскую*. Внутри этих традиционных направлений уже можно обозначить отдельные ветви гуманитарного знания, в рамках которых напрямую или опосредованно затрагивается интересующая проблематика: психология личности, социальная психология, социальная теория (структурный функционализм) или, собственно, социальная философия.

Интерес к конформизму/конформности как психологическому явлению или феномену, который объяснял бы логику поведения стихийно сложившихся или стабильных групп, можно обнаружить в работах Гюстава Лебона и Габриэля Тарда в конце XIX в. (Лебон 2016; Тард 2010). Однако основное внимание конформизму традиционно уделяли именно психологи-бихевиористы, которые исследовали специфику взаимоотношений индивидов в «малых группах» (Asch 1951). Начиная с 30-х гг. XX в. и вплоть до 70-х, был осуществлен ряд экспериментов, подтверждающих влияние группы на отдельную личность. Эксперименты М. Шерифа, С. Аша, С. Мил-

² В контексте настоящей статьи термины «конформизм» и «конформность» будут использоваться как синонимичные, поскольку оба они сводятся в английском *conformity*, а целью статьи не продиктовано смысловое разграничение между ними.

грэма, Р. Крачфилда и С. Московичи в совокупности позволяют заключить, что в социально-психологической оптике конформизм рассматривается как фактор, обуславливающий взаимодействие индивида и группы. Этот фактор может быть выражен либо в давлении большинства на меньшинство (как и наоборот), либо в процессах социализации и адаптации (Майерс 2011; Милграм 2000). Смежным с конформизмом формам в социальной психологии уделено меньше внимания. Негативизм, к примеру, рассматривается как тип психологической реакции, указывающей на зависимость индивида от группы (Deutsch, Gerard 1955), а неконформизм – как показатель автономии личности (Московичи 1996).

Что касается второй масштабной ориентации, то для настоящей статьи она имеет более важное значение, так как разобраться в актуальных подходах к концептуализации конформизма в современной политической философии невозможно, не имея представления о том, какие традиции его осмысления сложились в социальной теории и философии. Истоки *социологического* измерения этой глобальной ориентации следует искать в работах Эмиля Дюркгейма, в рамках его концепции «социальной солидарности», которая впоследствии сыграла ключевую роль в формировании структурного функционализма (Дюркгейм 1996; Дюркгейм 2008).

Наиболее примитивной солидарностью является «механическая»: ей характерна принудительность, строгая регламентированность всех сфер жизни, а также нахождение индивида в зависимости от «коллективной воли». В противовес выделяется «органическая солидарность»; которая подразумевает некую автономию личности при сниженном давлении на нее механизмов коллективного сознания (Дюркгейм 1996). Тем не менее, следует обратить внимание, что обе формы солидарности основаны на *коллективном сознании*, представляющее собой основу социального единства и своего рода «базис», на который накладывается *индивидуальное сознание* в виде «надстройки». Таким образом получается, что конформизм/конформность имманентен самой структуре личности человека, он выступает своего рода «мостом» между индивидуальностью и социальностью.

Толкотт Парсонс вводит концепцию «ценностно-нормативной системы», основываясь как раз на таком двухступенчатом понимании коллективного сознания (Парсонс 1998). Обращая внимание на природу фактически существующих социальных порядков, американский социолог делает акцент на предрасположенности социальных систем к поддержанию стабильного равновесия. Это равновесие достигается за счет конкретного «структурного образца», который, в свою очередь, подводит к проблематике конформности, где конформизм рассматривается как функция интеграции индивида в систему посредством ценностно-нормативной составляющей (Парсонс 2002). В этом контексте конформизм по Парсонсу практически совпадает с «социальной солидарностью» Дюркгейма и рассматривается им в качестве *нормальной* ценностной ориентации общества, хотя самим термином «конформизм» Парсонс напрямую не оперировал.

В отличие от Парсонса, Роберт Мертон активно использовал в своем дискурсе термин «конформизм» (англ. *conformity*), а также ряд однокоренных слов

(«нонконформизм»), рассматривая их вместе как поведенческую дихотомию (Мертон 2006). Понять эту пару в толковании Мертона можно с двух позиций: во-первых, в контексте адаптации индивида к давлению внешней среды, а во-вторых, в рамках теории референтно-группового поведения, охватывающей социальный конформизм и нонконформизм.

Главная гипотеза Мертона заключается в том, что девиантное поведение следует социологически рассматривать как симптом расхождения между культурно предписанными устремлениями и социально структурированными способами их достижения (Мертон 2006). В рамках социальной и культурной структур он выделял два элемента: первый включал в себя цели, намерения и интересы, определяемые данной культурой, второй – приемлемые способы их достижения. На основе этих элементов Мертон предлагал типологическую схему приспособления индивида к условиям, существующим в обществе или группе, где конформизм играл ведущую роль (Мертон, 2006).

Наконец, Петр Штомпка усложняет схему индивидуальной адаптации Мертона, так как расширяет толкование нонконформизма и негативизма, акцентируя внимание на различных мотивациях поведения (Штомпка 2005). «Конформизм» он рассматривает как поведение, основанное на принятии как целей, так и средств группы по их достижению, а также им выделяются два дополнительных типа: *легализм* (следование правилам независимо от их содержания) и *оппортунизм* (соблюдение правил, несмотря на их неприятие). В то время как Мертон сосредотачивается на различных способах адаптации человеческого поведения к общим нормативным системам через отношение к *целям и средствам*, Штомпка вводит содержательный аспект – *мотивационные основы* принятия или неприятия той или иной нормы, исходя из отношения к ее сути или источнику.

Таким образом, если суммировать основные идеи структурных функционалистов, конформизм был представлен ими в контексте анализа ценностно-нормативной системы общества и более-менее идентичен «лояльности» по отношению к доминирующим нормам и установкам (Вебер 1990, Дюркгейм 1996), а также являлся базовым механизмом для сохранения и воспроизводства социального порядка (Парсонс 2018; Мертон 2006).

У истоков второго измерения этой же глобальной ориентации – *социально-философского* анализа конформизма – находятся идеи Фридриха Ницше (Ницше 2009). Социальное большинство в его работах зачастую выступало в качестве *конформной массы*, хотя, конечно, сам термин «конформизм» в его трудах не звучал. Наиболее близкими ему можно считать понятия т.н. «стадного инстинкта» и, собственно, «стадности» (конформности), которые Ницше интерпретировал в широком культурном контексте, как раз подчеркивая, что традиционная общественная мораль имеет «стадную» природу, и противопоставляя ее своей концепции морали «сверхчеловека» (Ницше 2009).

После Ницше «конформизм» как понятие стал часто использоваться в социальной философии, главным образом в связи с типологизацией т.н. «массового общества». Термин «массы» подразумевает *общностные харак-*

теристики, поскольку массы как таковые представляют собой трудно дифференцируемые социальные образования. С началом же XX века «толпа», «массы» были не только концептуализированны, но и стали атрибутами новой социальной реальности, сформировавшейся в результате индустриализации, приведшей к массовому производству и потреблению товаров и идей. Новым субъектом того времени стал «человек толпы», а одним из ключевых трудов, затрагивающих эту тему, разумеется, была работа Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (Ортега-и-Гассет 2005).

Франкфуртская социологическая школа, прежде всего в лицах Теодора Адорно, Макса Хоркхаймера (Адорно, Хоркхаймер 1997) и Герберта Маркузе (Маркузе 1994), давала негативную оценку подобному развитию общества, рассматривая его в терминах «отчуждения» и «подавления». Согласно им, существует тенденция к более широкому проявлению конформизма в современном обществе, где стандартизация образа мысли и действия охватывает целые государства и даже континенты. Антонио Грамши (Грамши 1959), Серж Московичи (Московичи 1996) отмечали массовое отчуждение человека от политических механизмов власти по всему миру. Московичи даже предложил концепцию «нового человеческого типа» – т.н. *человека-массы*, который полностью зависим от других (Московичи 1996: 38-46), определяя этот антропологический тип как продукт чрезмерного конформизма.

Мишеля Фуко исследовал, как власть и социальные нормы влияют на формирование индивидуальности через систему «нормализации», поэтому в его системе координат конформизм – не просто следование правилам, а результат сложных отношений власти и знания, в рамках чего сам индивид становится объектом контроля и нормирования. Фуко указывает, что «нормы» не только регулируют действия людей, но и влияют на их восприятие самих себя. Выявление подобных механизмов, их артикуляция позволяет отследить, каким образом возникает «нормальный» индивид – соучастник и во многом даже «продукт» самоконтроля и саморегуляции (Foucault 1980).

В целом, если подвести краткие итоги всей социально-философской ветви изучения конформизма, то каких бы исследователей мы ни рассматривали, какие бы школы и направления ни попадали в фокус нашего внимания, общей чертой их становится внимание к сложной природе конформизма. Все они, пожалуй, солидарны в том, что конформизм стоит понимать не просто как некое следование социальным нормам, но гораздо шире – как *проявление управляющих механизмов*, которые превращают человеческую индивидуальность в объект, подвергают его «нормализации», «цензуре», «исключению» (Agamben 2005). Поскольку целью настоящей статьи не является подробное изложение максимального широкого спектра философских интерпретаций конформизма, будет достаточно остановиться на этом определении, которое расширяет понимание конформизма, обновляет представления о свободе и самовыражении индивида в современном обществе.

Основные методы исследования конформизма в политической философии: между позитивизмом и аксиологической теорией

Структурно-функциональный анализ, которому подвергли конформизм Толкотт Парсонс, Роберт Мертон, Петер Штомпка и другие исследователи, вскрывает глубинные механизмы, стоящие за простым актом конформизма, а также позволяет увидеть его социокультурные контексты. В совокупности же с достижениями социальной философии, все эти изыскания открывают новые горизонты для исследования данного явления *в политической философии*. Аналитический обзор всевозможных подходов к исследованию конформизма в предыдущей части был нужен, чтобы сформировать «тело» настоящего исследования. Реализовать этот замысел предстоит, разумеется, не с чистого листа, поэтому в выстраивании собственной методологии следует опираться на аргументы, обоснованные авторитетными исследователями политической философии и ее предметного поля.

Важный представитель уральской школы дискурсивных исследований, профессор О.Ф. Русакова отмечает, что современные трактовки предметной области политической философии варьируются в зависимости от того, в чем исследователи видят роль политической философии для актуальной политики (Русакова 2009). Многообразные точки зрения на этот счет О.Ф. Русакова объединяет в семь ведущих методологических подходов. Однако для целей настоящей статьи спектр точек зрения будет сведен до двух *классических* и двух *неклассических* оптик исследования. К первой паре относятся *позитивистский* и *аксиологический* подходы, ведь большинство классических исследований в политической философии развивались внутри дебатов между сторонниками этих направлений (Русакова 2012) – а значит игнорировать достижения данных подходов неправильно, идеи и результаты этих дебатов следует учесть в политико-философском прочтении конформизма. Не менее важен исторический контекст интеллектуальных дебатов о «судьбе» политической философии, которые развернулись во второй половине XX в. между сторонниками позитивизма и их оппонентами. Эти дебаты в целом заострили внимание к природе знания и его статусу: позитивисты выступали за научный подход, утверждая, что только он может предоставить надежные знания о политике; их противники критиковали «бихевиоризм» как методологическое заблуждение, подчеркивая важность традиционных философских размышлений о политике и этике (Поппер 2005; Фейерабенд 2007). Рефлексия по поводу состоявшихся дебатов крайне необходима не только для выявления потенциала позитивистского и ценностного дискурсов в формировании подходов для последующей концептуализации конформизма в предметном поле политической философии, но и для расширения горизонтов исследования за счет привлечения неклассических методологий.

Итак, *позитивизм* основывается на принципах, связанных с точными науками и эмпирическими данными – в русле этого методологического подхода конформизм может быть рассмотрен как явление, которое можно подвергнуть количественному измерению. Примеры бихевиористских

исследований – таких как эксперименты Соломона Аша о групповой динамике (Asch 1951) или Стэнли Милгрэма по подчинению группе (Милграм 2000) – снабжают нас количественными данными о степени конформности и факторных переменных, влияющих на нее. Тем не менее, следует отметить, что «амбулаторный» формат этих экспериментов имеет свои ограничения. Они фокусируются на «малых группах» и в значительной степени игнорируют масштабные социальные, политические и культурные структуры, потому даже наиболее ортодоксальные позитивисты осознавали сложность и многоуровневость политической системы, что требует более широкого подхода к анализу.

Вклад структурно-функционального анализа и теории «рационального выбора» в исследование конформизма стоит рассмотреть более подробно. Ведущие представители структурного функционализма в политологии – Роберт А. Даль (Даль 2008), Дэвид Истон (Easton 1965) и Габриэль Алмонд (Almond, Powell 1993) – утверждали, что политические системы функционируют аналогично другим социальным системам, т.е. развиваются через взаимодействие множества факторов и структур. Соответственно, политика рассматривалась ими как «арбитраж требований общества», где различные интересы и потребности индивидов и групп организуются и учитываются. Эта позиция создает платформу для анализа конформизма, поскольку индивиды здесь подстраиваются под социальные нормы и ожидания в целях достижения гармонии и стабильности в политической системе. Концепт «черного ящика», предложенный Д. Истоном, подчеркивает важность структурных и функциональных взаимосвязей, при этом не акцентируя внимание на содержании самих политических процессов (Easton 1965). Возникает возможность исследовать роль конформизма в адаптации индивидов к политическим нормам и механизмам, не рассматривая при этом их индивидуальные мотивации и особенности.

Согласно теории «рационального выбора», индивиды действуют рационально, стремятся максимизировать свои интересы. Однако в подобном контексте сложно учесть культурные и ценностные различия, которые могут влиять на принятие решений. Конформизм для этой теории становится неким побочным результатом индивидуального выбора – индивид может следовать групповой норме, чтобы избежать рисков или повысить свою выгоду, но внутренние мотивы остаются редуцированными до чисто рациональных рассуждений. Причем такая редукция часто игнорирует ситуации, когда индивиды могут поступать нерационально, следуя традициям, нормам или эмоциональным соображениям. Практика же показывает, что в реальном мире политика редко подчиняется строгим законам рациональности, и, игнорируя этот факт, исследователь может легко недооценить влияние конформизма на общественные и политические процессы.

Структурный функционализм и теория «рационального выбора» действительно подчеркивают амбивалентность позитивистских методов исследования в контексте интересующей нас проблематики. С одной стороны, эти подходы открывают широкие возможности для анализа, поскольку они способны представить участников как *абстрактные единицы*,

что позволяет применять количественные методы изучения конформизма/конформности. Исследования того же Аша демонстрируют, что «конформист» представляет собой своего рода «черный ящик», где внутренний мир индивидов остается вне поля зрения. Их поведение изучается без учета личной биографии и социокультурного контекста, в котором живет полноценная личность (Asch 1956). Таким образом, «конформиста» (и «нонконформиста», и «негативиста») можно рассматривать как функции, реагирующие на импульсы, исходящие от «малой группы» или сообщества. Эти реакции чаще всего интерпретируются как «рациональные» и «эгоистические», что в целом соответствует логике теории «рационального выбора», за каждым из таких решений, как правило, стоит четко определенная мотивация: стремление получить выгоду, избежать порицания или подтвердить свою независимость от группы. С другой стороны, структурно-функциональный анализ и теория «рационального выбора» обрисовывают ограниченные перспективы для осмысления конформизма в политической жизни. Даже объединив эти точки зрения, исследователь не получает комплексной картины, где конформизм рассматривался бы как полноценное взаимодействие структурных факторов и индивидуальных мотиваций.

Однако исследования механизмов функционирования и воспроизводства формальных структур власти все же могут стать подспорьем для изучения конформизма в рамках политической науки. Особенно актуально рассмотреть иерархическое распределение статусов и ролей среди участников политического процесса при осуществлении властных полномочий. Одним из «идеальных» типов формальной организации является *бюрократия*, как показал Макс Вебер (Вебер 1990). Работа бюрократических институтов вполне может стать иллюстрацией применимости позитивистской методологии для исследования конформизма. Имеет смысл осветить этот вопрос, опираясь на феномен «бюрократизма» в интерпретации американского социолога Мертона, о котором уже шла речь в предыдущем разделе этой статьи.

Мертон определял бюрократизм как явление, характеризующееся строгим подчинением акторов общим, абстрактным и ясно определенным правилам и нормам. Бюрократизм также обеспечивает стабильность и воспроизводство любой иерархической структуры власти (Мертон 2006). Универсализация и категоризация правил и норм, принимаемых всеми участниками политического процесса как авторитетные, может рассматриваться как альтернатива авторитету той самой «малой группы», который ранее обсуждался в контексте социально-психологического анализа конформизма. Учитывая, что позитивистская методология – особенно в политической науке – стремится к технологической эффективности, принятие во внимание концепции «бюрократии» можно считать гарантией квалифицированной оценки политического процесса. Конформное подчинение акторов бюрократической структуре позволяет руководству (будь то правительство, высший партийный совет или наднациональный орган) игнорировать неинституциональные факторы, такие как «личные отношения» между участниками, которые могут подвергать их к нерациональному поведению

и аффективным решениям. Нонконформисты и негативисты, в свою очередь, сталкиваясь с бюрократизмом, либо проходят через «обезличивание» и становятся «профессионалами», либо же подавляются бюрократическим механизмом, не имея возможности на него существенно повлиять (Мертон 2006).

Бюрократизм, как любой отлаженный механизм, может сталкиваться со сбоями, и в некоторых случаях так происходит из-за негативного влияния конформизма на его производительность. Это дает основание предполагать, что у конформизма есть самостоятельная «обратная» сторона. Потому важно рассмотреть данное явление через призму комплексного метода, который находит все больше сторонников в современной политической теории в качестве альтернативы позитивизму – а именно, *аксиологического подхода*. С этой точки зрения механистическая интерпретация политики может привести к утрате ее подлинного смысла, превращая политическую философию в политическую «теорию», в набор правил функционирования безжизненных структур, логик и моделей поведения, заключенных в рационалистические рамки утилитарных бинарных композиций, таких как «выгодно или невыгодно», «полезно или бесполезно», а также статистических выкладок. В результате подобной редукции политическая философия утрачивает свой статус и становится одной из многочисленных политологических дисциплин, таких как политическая социология или политическая экономия.

Именно так и произошло в XX в., когда политика «растворилась» в политической науке – это подчеркивает французский политический теоретик Филипп Бенетон (Бенетон 2002). По его мнению, чрезмерное использование теории «рационального выбора» и подобных ей интеллектуальных стратегий может привести к искусственному «уравниванию» мира, в котором «человек всегда и везде одинаков». Бенетон пишет: «...Доведенная до абсурда, подобная логика интерпретации предполагает, что поведение тирана в сущности схоже с поведением человека в демократическом государстве... Поведение избирателя аналогично поведению заговорщика, которое, в свою очередь, похоже на поведение потребителя... Нацистский лидер, продавец стекла, голлистский избиратель или спекулянт на бирже – все это объясняется одним и тем же образом» (Бенетон 2002: 104).

Противники сциентистской интерпретации политической философии могут иметь различные мнения о ее месте и роли в философском знании (Мунк, Гилен 2022) – однако все они строгие противники того, чтобы рассматривать ее как еще одну научную дисциплину. Они также едины в том, что уверенность позитивистов в полной непригодности аксиологического подхода для изучения политической жизни обусловлена ограниченностью их методологического диапазона – ведь их позиция выглядит серьезным заблуждением. Например, Лео Штраус выразил мнение по данному вопросу в своем программном сборнике работ под названием «Введение в политическую философию» (Штраус 2000). Согласно Штраусу, ценностный подход в анализе политики важен тем, что позволяет политической философии не только оценивать политические реалии с точки зрения их соответствия

представлениям об «общем благе» и «идеальном общественном устройстве», но также понимать и интерпретировать политические действия в терминах их правильности и справедливости.

Философские изыскания в русле ценностной методологии действительно предлагают альтернативный ракурс рассмотрения конформизма, преодолевая ограничения социологических и экономических подходов. Вместо того чтобы сосредоточиваться на показателе «технологической эффективности», анализ природы конформизма должен происходить в аксиологической плоскости. Стоит напомнить, что Мертон исследовал конформизм через призму взаимосвязи между целями (определяемыми как раз ценностями и культурой) и институциональными средствами их достижения. Противоречия между целями и средствами, по Мертону, могут влиять на то, принимают ли индивиды общественные цели или используют для их достижения нормативные или незаконные средства. Дисбаланс между культурными целями и доступными институциональными средствами ведет к состоянию *аномии*, своего рода «ценностно-нормативному вакууму», где регуляторы поведения ослаблены и фрагментированы. Аномия, отмечает Мертон, есть результат деформированного состояния социальной структуры, она способствует девиантному поведению (Мертон 2006: 243-249).

Когда большинство членов группы достигают своих целей, используя доступные институциональные средства, бюрократическая структура, включая органы власти, находится в равновесии. Однако, как правило, наблюдается разбалансированность между целями и средствами, что толкает людей к поиску различных способов адаптации к социальным условиям. Одним из таких способов является конформизм, который, вопреки ожиданиям, может привести к ригидности, неспособности адекватно реагировать на изменения и предсказуемости действий. Поэтому в данном контексте аномия может вызвать дисфункцию *бюрократии*. Дисбаланс между целями и средствами делает возможные реакции на внешние вызовы неэффективными, и бюрократы оказываются вынуждены адаптироваться через конформизм. Такой конформизм не способствует гомогенизации системы и ее устойчивости, а, наоборот, приводит к повышенной ригидности.

Формализм, ставший доминирующим, может привести к тому, что конформизм, выраженный в слепом следовании правилам и нормам, подменяет истинные цели и общую ценностную ориентацию. Когда та самая «техническая эффективность» начинает восприниматься как конечная цель, а не инструмент для достижения других ценностей, это может привести к некритическому восприятию политической реальности. В результате адаптация к условиям или группам становится механическим отказом от одних ценностей в пользу других. Таким образом, конформизм может трансформироваться из «ориентирования на что-либо» в самодостаточную «ценностную ориентацию», что, в свою очередь, способствует росту пассивности, отчуждения в обществе и вытеснению из политического процесса потенциальных активных субъектов.

Новаторские подходы к изучению конформизма в политической философии: концептологический и дискурсивный методы

Итак, «большой диалог» между сторонниками позитивизма и ценностной ориентации определяет центральную линию дебатов в политической философии XX в. – если подняться на уровень выше, то противоречие между ними перерастет в контраст между *сциентизмом* и *анти-сциентизмом*. Однако помимо этого основного противостояния, в теории XXI в. возникает множество других направлений, которые предлагают разнообразные нарративы и методологические подходы – применить их можно и к исследованию конформизма.

Концептологический подход, например, акцентирует наше внимание на построении различных интеллектуальных концепций как основном содержании политической философии (Русакова 2012). Особенность его в том, что в рамках этого подхода конформизм может быть истолкован не только как *явление*, но и как *концепция*, в рамках которой раскрывается его соотношение с другими социальными и политическими факторами, а также его влияние на структуру политического сознания и общественные отношения. Особое место среди всех политических философов еще XX в., которые внесли вклад в разработку разных подлинно политических концепций, в современной трактовке, занимает Карл Шмитт. В своих работах «Понятие политического» (Schmitt 2007) и «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» (Шмитт 2006), он раскрывает «корневую систему» политической философии, обращаясь к *пре-концептам*, что предшествуют строго разработанным концепциям, с которыми уже предпочитают работать другие философы. Например, его пре-концепция *политического* (нем. *das Politische*) представляет собой попытку определить суть политики, если освободить ее от факторов морали, законности и эффективности, что характерны для аксиологического и позитивистского подходов и были представлены в предыдущем параграфе настоящей статьи.

Важным акцентом мысли Шмитта и единственным критерием *политического* выступает разделение на *друзей* и *врагов*, то есть *публичного выбора* между ними в пространстве политики. Это разграничение предлагает рассматривать политику как автономную сферу, которой на примордиальном уровне присущи *разделение* и *конфликт*, где участник должен выбрать свою сторону, а не только стремится достичь консенсуса и компромисса. Такой подход открывает новые перспективы для анализа конформизма, поскольку индивиды и группы зачастую определяют своих «друзей» и «врагов», принимая решения под давлением социальных норм и ожиданий. Конформизм в данном контексте можно рассматривать как форму адаптации к политическим условиям, где индивиды или группы следуют коллективным нормам, чтобы определить свои позиции в отношении «друзей» и «врагов». Это приводит к различным формам политического поведения, где давление конформизма может оказывать влияние на выборы, «мобилизацию» общества или протестные выступления.

Немаловажно, что Шмитт призывает рассматривать *друзей* и *врагов* как *экзистенциальные категории*, то есть принцип распределения не сводится к критериям морали или эффективности, которые применимы в других областях жизни, кроме политики. Для Шмитта политика обладает своей логикой, отличной от частных отношений, и нуждается в своем собственном наборе критериев (Schmitt 2007). Эта ее особенность создает пространство для анализа конформизма в политическом контексте, поскольку в такой логике предпочтения и приоритеты отдельных индивидов в частной сфере уступают их предпочтениям в *публичной, политической* сфере, и они могут меняться в зависимости от политической ситуации. Вспоминая о классификации Леона Манна различных типов конформизма (Mann 1969), можно предположить, что именно «корыстная» версия выходит на первый план в понимании политического поведения. В этом случае субъекты ориентируются не на высокие ценности или нравственные идеалы, а на прагматичные интересы – здесь сразу приходит на ум концепция «национальных интересов», которой активно оперируют представители политического реализма³. Это позволяет им формировать союзы и определять врагов, основываясь на стратегических расчетах, а не на морально-этических/нормативных категориях.

Таким образом, конфигурация «друзей» и «врагов» становится гибкой и подвижной. Политические субъекты могут менять свои предпочтения в зависимости от контекста: благодаря таким изменениям «союзники» могут в короткие сроки превратиться во «врагов» (Schmitt 2007), а также выступать одновременно и «друзьями», и «врагами» в зависимости от того, на какую именно «аудиторию» они транслируют свою установки. *Политическое* здесь ассоциируется с «государственным», и высшим его проявлением видится именно внутригосударственный «гражданский конфликт», на деле же он часто оборачивается карикатурным «межпартийным конфликтом», в котором от разделения друг/враг остается один из антагонистических элементов – тактика, конкуренция, манипуляция и т.п. (Алексеева 2009). Все это приводит к интересным последствиям для политической жизни, когда конформизм начинает определять не только индивидуальное поведение в ситуациях частной жизни, но и коллективные действия целых сообществ в публичной сфере. В то время как у участники могут иметь широкий спектр социальных и культурных ценностей, в политическом контексте они придерживаются «общей линии партии» и отклоняются от собственных предпочтений в пользу более целесообразных и выгодных сиюминутно решений. Все это, безусловно, подчеркивает роль конформизма в формировании *контекстуальности* политического поведения.

Наконец, Шмитт в своей концепции *суверенитета* подчеркивает, что истинные политические решения исходят от *суверена* и являются единич-

³ В данном случае, хорошей иллюстрацией воплощения *политического* в реальности могут выступить республиканская и демократическая партии США, которые пребывают в состоянии серьезной конфронтации на внутриамериканской арене, но единым фронтом выступают по ряду международных вопросов, мотивируя свою позицию «национальными интересами» государства.

ными, абсолютными и окончательными (Schmitt 2007). Это означает, что политическая власть не может полностью раскрыться на уровне волеизъявления отдельных индивидов, которые действуют в рамках либеральной модели, отождествляющей индивидуальные интересы с политическим участием. Вместо этого в фокусе внимания должен оказаться *суверен* как экзистенциальное состояние, которое порождается авторитетом, существует вне обычной бюрократической системы. Таким образом, решения *суверена* выше любой бюрократии, формализованной и основанной на законах и процедурах. Политическая воля, сосредоточенная в руках *суверена*, позволяет принимать более весомые решения, чем те, которые принимаются на уровне государственных и партийных институтов.

Теперь, применяя эти концепции к проблематике конформизма, можно рассмотреть, как авторитет *суверена* и его влияние на группу ведет к гомогенности в принятии коллективных решений. В условиях «малой группы» присутствие в ней авторитета создает такую атмосферу, в которой участники подстраиваются под его мнение и решения, даже если эти решения могут противоречить их личным убеждениям. Эта динамика усугубляется необходимостью поддерживать группу и избегать внутреннего конфликта. *Суверен*, безусловно, способен сгруппировать людей вокруг единой идеи или цели, что может привести к нарастанию конформизма, поскольку индивиды начинают принимать решения, основанные на согласии с лидером, а не на собственных суждениях.

Еще одним неклассическим методом, с помощью которого перспективно исследовать проблематику конформизма в политической философии, особенно в постиндустриальном контексте, становится *дискурсивный* метод. Развитие технологий и коммуникаций создает новые условия для формирования конформистского сознания, когда информация передается мгновенно и по-прежнему охватывает огромные аудитории, создавая единую культурную среду. Однонаправленный характер влияния средств массовой информации, таких как телевидение и радио, действительно приводил к некой однородности взглядов и поведения в пределах массовой культуры XX в. Однако с ростом интернета и многогранных моделей коммуникации, а также с учетом взаимодействия всех участников процесса, казалось бы, возникает все больше возможностей для неконформизма и самовыражения. Действительно, согласно двухступенчатой модели Пола Лазарсфельда (Лазарсфельд, Мертон 2002), влияние медиа становится более сложным и многофакторным, где личные интерпретации и мнения создают пространство для различных форм политического поведения.

В этом контексте важно учитывать идеи Жана Бодрийяра, который подчеркивал, что настоящая монополия заключается не только в доступе к техническим средствам, но и в *доминировании дискурса* (Бодрийяр 2015). Формирование определенных нарративов и концепций оказывает влияние на то, как люди воспринимают свои политические и социальные роли. Подобная *монополия слова* создает новые условия для конформизма, где индивиды предпочитают следовать установленным дискурсам, нежели искать какие-либо альтернативные пути и варианты. В концепция власти Фуко

ее предмет (собственно, *власть*) рассматривается не чем-то статичным, сосредоточенным в руках одного определенного института; она пронизывает все уровни общества и становится частью повседневного опыта (Фуко 1999). Постмодернистский автор феминистской направленности Джудит Батлер в работе «Психика власти» (Батлер 2002) продолжает развивать логику феномена, открытого Фуко. Она признает, что «субъект первостепенно желает собственной субординации», то есть «ситуации принятия власти других субъектов в формах регуляции, запретов или подавления» (Батлер 2002: 25-26). Посредством этого «принятия» человек обретает свою идентичность, но здесь следует заметить, что внутреннее принятие власти и формирование субъекта, то есть *субъекция*, являются тем амбивалентным явлением, что раскрывается в диалектике господина/раба у Гегеля.

Если рассмотреть ситуацию Нового времени, то нельзя не отметить, что ей было присуще сочетание власти «общего мнения» конгломерата граждан в публичной сфере с автономией индивидуальности в частной сфере, что повлияло на формирование новой антропологии. А именно, в Новое время был очерчен иллюзорный портрет человека, ощущающего себя независимым от других и внешне самодостаточного, по причине чего желающего изолировать себя от массы «подобных себе» и сосредоточиться на самом себе. При этом он был склонен рассматривать мнение большинства в качестве отражения мнения собственного в публичной сфере, что предопределило его неуверенность в ценностной ориентации на уровне частного, поскольку такая ценностная система основана не на прочных внутренних убеждениях, но на заимствованных извне отношениях к чему-либо. Еще Алексис де Токвиль отмечал, что «в глубине души демократический человек охвачен сомнением, он не может более опираться ни на традицию, ни на разум высших людей» (поскольку нет людей высших и нивелирована традиция), он не осмеливается опереться, как правило, и на собственный разум (Токвиль 1992: 324). Если сопоставить его рассуждение с многим более поздним, уже постмодернистским дискурсом Дж. Батлер, то можно увидеть, что преодоление неуверенности и сомнений в собственном статусе, а значит, идентичности, преследующих человека в условиях «независимости» и «равенства» при либерализме, возможно через подчинение человека некоему объективному дискурсу, который способен предложить человеку готовую идентичность.

Дж. Батлер пишет: «Вынужденный искать признание своему существованию в категориях, терминах и именах, что не им созданы, субъект ищет знак своего существования вне себя, в дискурсе, который одновременно доминантен и индифферентен» (Батлер 2002: 30). С точки зрения философии Нового времени в целом, среди этих категорий наиболее привлекательными выглядят те, что несут в себе идентичности, основанные на материальных благах. Поскольку лишь они имеют если и не совершенно непреходящую природу, то, по крайней мере, существуют в объективной реальности. Так культ стремления человека к материальному благосостоянию, обладанию частной собственностью рождает дискурс, где человек, лишенный ориентиров и прочных привязанностей, становится собой, только будучи вовлеченным в рыночные отношения с другим.

Соответственно, исследователь получает возможность рассмотреть, как микрополитические практики и личные взаимоотношения между людьми влияют на формирование конформизма в рамках более масштабных структур распределенной власти. Дискурсивный подход к исследованию конформизма выглядит здесь незаменимым: индивиды взаимодействуют друг с другом не напрямую, а с учетом декларативных норм, сформированных в современных реалиях в медиа-пространстве (социальные сети, блогосфера), что позволяет исследовать, как элементы дискурса, пропагандируемого массовыми коммуникациями, действуют на уровнях индивидуального и группового поведения, создавая механизмы согласия или сопротивления.

Заключение

После краткого обзора классических интерпретаций конформизма в тех дисциплинах, где он изначально получил свое значение (социальная психология и социальная философия), в статье были представлены особенности его изучения в политической науке, а именно выявлены принципы, необходимые для дальнейшего исследования конформизма, без чего невозможно осуществить концептуализацию данного явления в современном политическом контексте. Основной «ареной» для дискуссий о конформизме в рамках предметного поля политической науки по-прежнему остается спор между позитивистским и аксиологическим подходами, который, к большому сожалению, ограничен теми условностями, что окружали «конформизм» как объект исследования на протяжении всей истории становления этого понятия.

Прежде всего, к таким условностям относится фиксация на специфическом типе «субъекта» как на точке отсчета – под ним понимался некий *индивид*, который рассматривался вне основных коллективных идентичностей, (принадлежности к определенному сословию, нации, классу и т.п.); строго экспериментальный характер обнаружения конформизма, зависимость от «малых групп» и частые отсылки к ним в качестве метафоры или иллюстрации. Однако эти устоявшиеся дебаты сторонников позитивизма и аксиологической теории обрамлены рядом неординарных подходов к исследуемой проблематике (т.н. неклассическими нарративами), анализ которых не является просто факультативным, но и может принести весомые результаты. Ценность таких нарративов, будь то *концептологический* или *дискурсивный*, заключается в том, что они дают возможность переосмыслить проблематику конформизма в политической теории с неожиданных точек зрения.

Например, концептологический подход, проиллюстрированный в этой статье методом Карла Шмитта, предлагает рассматривать конформизм как имманентный элемент *политического* (нем. *das Politische*), а не как нечто, привнесенное в эту область извне, что устраняет многие сомнения относительно целесообразности изучения конформизма именно в контексте политической теории, его собственно политической интерпретации. Рассмотренные концепты Шмитта («друзья и враги», «суверен») позволяют

увидеть конформизм не как фиксированное или однозначное явление, а как адаптивный процесс, который включает в себя принятие стратегических решений, завязанных на пересмотре принципиальных политических позиций. Более того, концепции К. Шмитта идут «рука об руку» с анализом *политического конформизма*, поскольку с помощью него подсвечиваются, как экзистенциальные свойства *суверена* влияют на внутригрупповую динамику и формируют восприятие участников относительно друг друга. Это открывает новые горизонты для понимания механизмов конформизма в рамках политических идеологий Модерна, где лидерство и централизованная воля становятся ключевыми элементами.

Изучение конформизма с помощью дискурсивного подхода в современных условиях открывает доступ к всему многообразию и структурной сложности взаимодействий между разными субъектами, медиа-средствами и нарративами. Дискурс не только формирует общественные нормы, но и определяется властными структурами, которые контролируют доступ к знанию, истине. В его рамках власть не является централизованной, а существует в сети отношений, где происходит борьба за значимость и контроль. В этом контексте конформизм может восприниматься как следствие давления этих дискурсивных и властных отношений, в частности, когда индивиды адаптируются к нормам, навязываемым обществом, чтобы сохранить свою социальную состоятельность и статус.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адорно Т., Хоркхаймер М. 1997. Дialeктика Просвещения. Москва : Медиум ; Санкт-Петербург : Ювента. 312 с.
- Алексеева Т.А. 2009. Карл Шмитт : автономия политического // Политическое как проблема. Очерки политической философии XX века / отв. ред. М.М. Федорова. Москва : Идея-Пресс. С. 23–50.
- Батлер Дж. 2002. Психика власти: теории субъекции. Харьков : ХЦГИ ; Санкт-Петербург : Алетейя. 168 с.
- Бауман З. 2008. Текучая современность. Москва [и др.] : Питер. 240 с.
- Бек У. 2000. Общество риска. На пути к другому модерну. Москва : Прогресс-Традиция. 381 с.
- Бенетон Ф. 2002. Введение в политическую науку. Москва : Весь мир. 368 с.
- Бодрийяр Ж. 2000. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. 96 с.
- Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Москва : Издат. дом «По-стум». 240 с.
- Бурдые П. 1993. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. Вып. 2. С. 137–150.
- Бурдые П. 2007. Социология социального пространства : [сб. статей. В 2 т.] / общ. ред. пер. Н.А. Шматко. Москва : Ин-т эксперимент. социологии ; Санкт-Петербург : Алетейя. 288 с.
- Вебер М. 1990. Избранные произведения. Москва : Прогресс. 804 с.
- Гидденс А. 2011. Последствия современности. Москва : Праксис. 352 с.
- Грамши А. 1959. Избранные произведения. Т. 3. Тюремные тетради. Москва : Изд-во иностр. лит. 571 с.

- Даль Р.А. 2008. Политическая теория: истина и последствия // Политическая теория в XX веке / под ред. А. Павлова. Москва : Территория будущего. С. 137–155.
- Делез Ж., Гваттари Ф. 2007. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 672 с.
- Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. 2019. Повестка дня и информационное общество : социологические очерки. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый. 142 с.
- Дюркгейм Э. 1996. О разделении общественного труда. Москва : Канон. 432 с.
- Дюркгейм Э. 2008. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. Москва : ТЕРРА – Книжный клуб. 400 с.
- Кастельс М. 2001. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Москва : Высш. шк. экономики. 608 с.
- Касториadis К. 2003. Воображаемое установление общества. Москва : Гнозис : Логос. 480 с.
- Лазарсфельд П., Мертон Р. 2002. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие // Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. Москва : УРСС. С. 138–149.
- Латур Б. 2006. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии. Санкт-Петербург : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. 240 с.
- Лебон Г. 2016. Психология народов и масс. Москва : АСТ. 320 с.
- Майерс Д. 2011. Социальная психология. 7-е изд. Москва [и др.] : Питер. 793 с.
- Маркузе Г. 1994. Одномерный человек. Москва : REFL-book. 368 с.
- Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. Москва : АСТ : Хранитель. 874 с.
- Милграм С. 2000. Эксперимент в социальной психологии. 3-е междунар. изд. Санкт-Петербург [и др.] : Питер. 336 с.
- Московичи С. 1996. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. Москва : Центр психологии и психотерапии. 480 с.
- Мунк М. де, Гилен П. 2022. У нас все еще есть мечта. Призыв к разумно дерзкой науке // Антиномии. Т. 22, вып. 3. С. 9–25. DOI 10.17506/26867206_022_22_3_9
- Ницше Ф. 2009. Так говорил Заратустра. Москва : Эксмо. 416 с.
- Ортега-и-Гассет Х. 2005. Восстание масс. Москва : АСТ : Ермак. 272 с.
- Парсонс Т. 1998. Система современных обществ. Москва : Аспект Пресс. 270 с.
- Парсонс Т. 2002. О структуре социального действия. Москва : Акад. Проект. 880 с.
- Парсонс Т. 2018. Социальная система. Москва : Акад. проект. 530 с.
- Поппер К. 2005. Логика научного исследования. Москва : Республика. 446 с.
- Русакова О.Ф. 2009. Современные трактовки предметной области политической философии: методологический анализ // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Вып. 9. С. 203–229.
- Русакова О.Ф. 2012. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. Екатеринбург : Издат. дом «Дискурс-Пи». 400 с.
- Тард Г. 2010. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы. Москва : Инфра-М. 390 с.
- Токвиль А. де. 1992. Демократия в Америке. Т. 2. Москва : Прогресс. 554 с.
- Фейерабенд П. 2007. Против метода. Очерк анархистской теории познания. Москва : АСТ : Хранитель. 416 с.
- Фуко М. 1999. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва : Ad Marginem. 480 с.
- Фуко М. 2004. Археология знания. Санкт-Петербург : Гуманит. акад. : Университет. кн. 416 с.

- Шмитт К. 2006. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. Санкт-Петербург : Владимир Даль. 300 с.
- Штомпка П. 2005. Социология. Анализ современного общества. Москва : Логос. 664 с.
- Штраус Л. 2000. Введение в политическую философию. Москва : Логос : Практис. 364 с.
- Agamben G. 2005. *State of exception*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 95 p.
- Almond G.A., Powell G.B. 1993. *Comparative politics: A theoretical framework*. New York, NY : HarperCollins College Publishers. 204 p.
- Asch S. 1951. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments // *Groups, leadership and men* / Ed. by H. Guetzkow. Carnegie Press. P. 177–190.
- Asch S. 1956. Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority // *Psychological Monographs: General and Applied*. Vol. 70, № 9. P. 1–70. <https://doi.org/10.1037/h0093718>
- Çakıroğlu K.İ. 2018. (Non-)/conformity in translation: Who (non-)/conforms to what, when, how and why? : Master's thesis / Institute of Social Sciences. 93 p. URL: <https://tezara.org/theses/534433> (accessed November 15, 2024).
- Deutsch M., Gerard H.B. 1955. A study of normative and informational social influences upon individual judgment // *The Journal of Abnormal and Social Psychology*. Vol. 51, iss. 3. P. 629–636. <https://doi.org/10.1037/h0046408>
- Easton D. 1965. *A systems analysis of political life*. New York : Wiley. 513 p.
- Foucault M. 1980. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*. New York : Vintage Books. 282 p.
- Mann L. 1969. Conformity according to Leon Mann: Conformity in the workplace. URL: <http://socialconformitywhatley.weebly.com/conformity-theories.html> (accessed November 15, 2024).
- Rieger G., Savin-Williams R.C. 2012. Gender Nonconformity, Sexual Orientation, and Psychological Well-Being // *Archives of Sexual Behavior*. Vol. 41. P. 611–621. <https://doi.org/10.1007/s10508-011-9738-0>
- Sándor K. 2023. What Is the Conformity-Nonconformity Dichotomy? // *Philosophy Study*. Vol. 13, no. 10. P. 409–415. <https://doi.org/10.17265/2159-5313/2023.10.001>
- Schmitt C. 2007. *The concept of the political : Expanded edition*. Chicago : Univ. of Chicago Press. 158 p.
- Turner J.H. (Ed.). 2001. *Handbook of sociological theory* / Ed. by J.H. Turner. New York : Kluwer Academic/Plenum Publishers. 756 p. <https://doi.org/10.1007/0-387-36274-6>

References

- Adorno T., Horkheimer M. *Dialectic of Enlightenment*, Moscow, Medium, St. Petersburg, Yuventa, 1997, 312 p. (in Russ.).
- Agamben G. *State of exception*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 2005, 95 p.
- Alekseeva T.A. *Karl Shmitt : avtonomiya politicheskogo* [Carl Schmitt: the autonomy of the Political], M.M. Fedorova (resp. ed.) *Politicheskoe kak problema. Ocherki politicheskoy filosofii XX veka*, Moscow, Ideya-Press, 2009, pp. 23–50. (in Russ.).
- Almond G.A., Powell G.B. *Comparative politics: A theoretical framework*, New York, NY, HarperCollins College Publishers, 1993, 204 p.
- Asch S. Effects of group pressure upon the modification and distortion of judgments, H. Guetzkow (ed.) *Groups, leadership and men*, Carnegie Press, 1951, pp. 177–190.
- Asch S. Studies of independence and conformity: I. A minority of one against a unanimous majority, *Psychological Monographs: General and Applied*, 1956, vol. 70, no. 9, pp. 1–70. <https://doi.org/10.1037/h0093718>

- Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majorities, Or, the End of the Social*, Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000, 96 p. (in Russ.).
- Baudrillard J. *Simulacra and Simulation*, Moscow, Izdatel'skiy dom «Postum», 2015, 240 p. (in Russ.).
- Bauman Z. *Liquid Modernity*, Moscow et al., Piter, 2008, 240 p. (in Russ.).
- Beck U. *Risk Society: Towards a New Modernity*, Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 381 p. (in Russ.).
- Bénétou Ph. *Vvedenie v politicheskuyu nauku* [Introduction to Political Science], Moscow, Ves' mir, 2002, 368 p. (in Russ.).
- Bourdieu P. *Social space and symbolic power*, Thesis, 1993, iss. 2, pp. 137–150. (in Russ.).
- Bourdieu P. *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva : sb. statey. V 2 t.* [Sociology of Social Space: collection of articles, in 2 vol.], Moscow, Institut eksperimental'noy sotsiologii, St. Petersburg, Aleteyya, 2007, 288 p. (in Russ.).
- Butler J. *The Psychic Life of Power: Theories in Subjection*, Kharkov, KhTsGI, St. Petersburg, Aleteyya, 2002, 168 p. (in Russ.).
- Çakiroğlu K.İ. *(Non-)/conformity in translation: Who (non-)/conforms to what, when, how and why? : Master's thesis*, Institute of Social Sciences, 2018, 93 p., available at: <https://tezara.org/theses/534433> (accessed November 15, 2024).
- Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture], Moscow, Izdanie Vysshey shkoly ekonomiki, 2001, 608 p. (in Russ.).
- Castoriadis C. *The Imaginary Institution of Society*, Moscow, Gnozis, Logos, 2003, 480 p. (in Russ.).
- Dahl R.A. Political Theory: Truth and Consequences, A. Pavlov (ed.) *Politicheskaya teoriya v XX veke*, Moscow, Territoriya budushchego, 2008, pp. 137–155. (in Russ.).
- Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*, Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2007, 672 p. (in Russ.).
- Deutsch M., Gerard H.B. A study of normative and informational social influences upon individual judgment, *The Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1955, vol. 51, iss. 3, pp. 629–636. <https://doi.org/10.1037/h0046408>
- Durkheim É. *The Division of Labour in Society*, Moscow, Kanon, 1996, 432 p. (in Russ.).
- Durkheim É. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology and its Scientific Domain], Moscow, TERRA – Knizhnyy klub, 2008, 400 p. (in Russ.).
- Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. *Povestka dnya i informatsionnoe obshchestvo : sotsiologicheskie ocherki* [Agenda and Information Society : Sociological Essays], Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyy uchenyy, 2019, 142 p. (in Russ.).
- Easton D. *A systems analysis of political life*, New York, Wiley, 1965, 513 p.
- Feyerabend P. *Against Memhod. Outline of an anarchistic theory of knowledge*, Moscow, AST, Khranitel', 2007, 416 p. (in Russ.).
- Foucault M. *Power/knowledge: Selected interviews and other writings 1972–1977*, New York, Vintage Books, 1980, 282 p.
- Foucault M. *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*, Moscow, Ad Marginem, 1999, 480 p. (in Russ.).
- Foucault M. *Archaeology of Knowledge*, St. Petersburg, Gumanitarnaya akademiya, Universitetskaya kniga, 2004, 416 p. (in Russ.).
- Giddens A. *The Consequences of Modernity*, Moscow, Praksis, 2011, 352 p. (in Russ.).
- Gramsci A. *Izbrannye proizvedeniya. T. 3. Tyuremnye tetradi* [Selected Works. Vol. 3. Prison Notebooks], Moscow, Izdatel'stvo inostrannoy literature, 1959, 571 p. (in Russ.).

Latour B. *We Have Never Been Modern*, St. Petersburg, Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v S.-Peterburge, 2006, 240 p. (in Russ.).

Lazarsfeld P., Merton R. Mass Communication, Popular Taste and Organized Social Action, *Nazarov M.M. Massovaya kommunikatsiya v sovremennom mire: metodologiya analiza i praktika issledovaniy*, Moscow, URSS, 2002, pp. 138–149. (in Russ.).

Le Bon G. *The Crowd: A Study of the Popular Mind*, Moscow, AST, 2016, 320 p. (in Russ.).

Mann L. *Conformity according to Leon Mann: Conformity in the workplace*, 1969, available at: <http://socialconformitywhatley.weebly.com/conformity-theories.html> (accessed November 15, 2024).

Marcuse H. *One-Dimensional Man*, Moscow, REFL-book, 1994, 368 p. (in Russ.).

Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*, Moscow, AST, Khranitel', 2006, 874 p. (in Russ.).

Milgram S. *The Individual in a Social World*, 3rd intern. ed., St. Petersburg et al., Piter, 2000, 336 p. (in Russ.).

Moscovici S. *The Age of the Crowd: A Historical Treatise on the Psychology of Masses*, Moscow, Tsentr psikhologii i psikhoterapii, 1996, 480 p. (in Russ.).

Munck M. de, Gielen P. We Still Have a Dream. A Plea for a Sensibly Audacious Science, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 9–25. https://10.17506/26867206_2022_22_3_9 (in Russ.).

Myers D.G. *Social Psychology*, 7th ed., Moscow et al., Piter, 2011, 793 p. (in Russ.).

Nietzsche F. *Thus Spoke Zarathustra*, Moscow, Eksmo, 2009, 416 p. (in Russ.).

Ortega y Gasset J. *The Revolt of the Masses*, Moscow, ACT, Ermak, 2005, 272 p. (in Russ.).

Parsons T. *The System of Modern Societies*, Moscow, Aspekt Press, 1998, 270 p. (in Russ.).

Parsons T. *The Structure of Social Action*, Moscow, Akademicheskii Proekt, 2002, 880 p. (in Russ.).

Parsons T. *The Social System*, Moscow, Akademicheskii proekt, 2018, 530 p. (in Russ.).

Popper K.R. *Logik of Scientific Discovery*, Moscow, Respublika, 2005, 446 p. (in Russ.).

Rieger G., Savin-Williams R.C. Gender Nonconformity, Sexual Orientation, and Psychological Well-Being, *Archives of Sexual Behavior*, 2012, vol. 41, pp. 611–621. <https://doi.org/10.1007/s10508-011-9738-0>

Rusakova O.F. Contemporary Interpretations of the Subject Sphere of Political Philosophy: Methodological Analysis, *Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*, 2009, iss. 9, pp. 203–229. (in Russ.).

Rusakova O.F. *Sovremennaya politicheskaya filosofiya: predmet, kontsepty, diskurs* [Contemporary Political Philosophy: Subject, Concepts, Discourse], Ekaterinburg, Izdatel'skiy dom «Diskurs-Pi», 2012, 400 p. (in Russ.).

Sándor K. What Is the Conformity-Nonconformity Dichotomy? *Philosophy Study*, 2023, vol. 13, no. 10, pp. 409–415. <https://doi.org/10.17265/2159-5313/2023.10.001>

Schmitt C. *The concept of the political : Expanded edition*, Chicago, Univ. of Chicago Press, 2007, 158 p.

Schmitt K. *The Leviathan in the State Theory of Thomas Hobbes*, St. Petersburg, Vladimir Dal', 2006, 300 p. (in Russ.).

Strauss L. *Introduction to Political Philosophy*, Moscow, Logos, Praxis, 2000, 364 p. (in Russ.).

Sztompka P. *An Analysis of Modern Society*, Moscow, Logos, 2005, 664 p. (in Russ.).

Tarde J.-G. *Prestupnik i prestuplenie. Sravnitel'naya prestupnost'. Prestupleniya tolpy* [Crimes of the Crowd. Comparative crime. Mob crimes], Moscow, Infra-M, 2010, 390 p. (in Russ.).

Tocqueville A. de. *Democracy in America. Vol. 2*, Moscow, Progress, 1992, 554 p. (in Russ.).

Turner J.H. (Ed.) *Handbook of sociological theory*, New York, Kluwer Academic/Plenum Publishers, 2001, 756 p. <https://doi.org/10.1007/0-387-36274-6>

Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Moscow, Progress, 1990, 804 p. (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ян Юрьевич Моисеенко

младший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: 0000-0002-4541-5854;
ResearcherID: JOK-8796-2023;
SPIN-код: 7446-8104;
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yan Yu. Moiseenko

Junior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia;
ORCID: 0000-0002-4541-5854;
ResearcherID: JOK-8796-2023;
SPIN-код: 7446-8104;
E-mail: yan.moiseenko@mail.ru